

Когда бусины чётки совершают на нити свой бесконечный круговорот, кажется, что они приобщают тебя к Вечности. Ты будто ведёшь с Ней беседу. А такой разговор не может быть дёрганным, взволнованным и нервным. Наоборот, он спокоен, последователен и миролюбив. И ты сам успокаиваешься, сосредотачиваешься, а собственные вопросы и проблемы уже не кажутся такими уж неразрешимыми...

Но вот нить оборвалась. Бусины рассыпались и раскатились в разные стороны. Теперь они не вершат торжественно свой путь в размеренной и ясной последовательности. «Распалась связь времён». Прекратилось мерное течение мыслей. Ты собираешь бусины, как отдельные, ничем не объединённые между собой, частицы прежде неделимого целого.

Так и наши воспоминания. Они бывают подобны вот таким чёткиным бусинам, утратившим объеди-

няющую их нить. Фрагментарные, непоследовательные, неточные, субъективные.

Но они — твои. И каждая бусина-воспоминание тебе дорога именно своей самобытностью и самодостаточностью. Поэтому я не буду объединять их в единую цепь повествования, а оставлю как есть — отдельными и отдалёнными друг от друга рассказами, историями и размышлениями.

Мои воспоминания по большей части субъективны, и с моими мнениями и суждениями о людях другие, знавшие и знающие их, возможно, лучше, чем я, могут, мягко говоря, не согласиться.

Поэтому, чтобы не ограничивать свободы собственного взгляда и суждения, я не буду называть имён и фамилий — заменю их знаковыми наименованиями. Использую метонимию и в тех случаях, когда мне нужно будет называть связанные с

Дмитрий Анатольевич Рогожкин — писатель, журналист, поэт, сценарист, член Союза писателей России и Союза журналистов Москвы. Автор научно-популярных книг и статей, двухтомной энциклопедии «Домашние животные», научно-популярного издания «Кролики. Разведение, содержание» (серия «Домашняя ферма», М.: АСТ-Астрель), статей и очерков о выдающихся деятелях истории и культуры России, публиковавшихся в журналах «Проза» и «Литературные знакомства». Автор книги «Иван Грозный» (ИД «Сельская новь»), повести «Царь Симеон и Иван Грозный» (Аквилегия-М). Работал в газете «Пионерская правда», главным редактором детских журналов «Простоквашино», «Союзмультфильм представляет». Шеф-редактор детского журнала «Читайка». Лауреат литературных конкурсов.

ними реалии. Исключением станет только мой папа. О нём я вправе говорить то, что думаю и чувствую. И начну, пожалуй, с него. Итак...

... Папа

Я уже взялся за ручку, чтобы потянуть на себя стеклянную дверь торгового центра, как замер от неожиданности. С той стороны на меня глядел мой папа. Он был точно таким, каким я запомнил его в последние годы жизни.

Шапка с козырьком, из-под которой выбивались сильно поседевшие волосы. Мохеровый шарф как всегда непослушно вылезал из-под куртки. Резкие морщины на лбу. Напряжённый и немного усталый взгляд. Небритость кустиками, над которой он сам часто подтрунивал: не растёт нормальная борода... Не помню, сколько прошло времени — минут или секунд — прежде, чем пришло осознание: это моё собственное отражение.

Неужели с годами я внешне всё больше становлюсь похожим на него?..

Помню, как мы с папой шли с выставки в Доме художника, и нам бесцеремонно преградила путь какая-то пожилая тётка, видимо, бывшая папина сослуживица. Тогда мне не было ещё тридцати, и всех, кто старше, я считал пожилыми. Теперь, тридцать лет спустя, так уже не считаю.

Есть женщины, а есть — тётки. Фирменные отличия тёток от женщин: бесцеремонность, бестак-

тность и беспардонность. Очень хочу ошибиться, но мне кажется, что в наши дни, всё меньше становится женщин и всё больше — тёток. Причём тётки, на удивление, с каждым годом молодеют...

Беседы не было. Был монолог, в котором осуждению подвергалось всё и вся. Регламент свободный. До слов: «Заговорила я тут с вами, а мне ещё в магазин и в парикмахерскую». Папа тактично молчал. Но прежде чем уйти, тётка, обращаясь к папе, выдала последнее оценочное суждение:

— Вот вы красивый, а ваш сын — некрасивый. Совсем некрасивый!

И с чувством исполненного долга удалилась. Я тогда сильно обиделся! Как ребёнок, у которого отобрали игрушку. Только потом, спустя годы, осознал: со своей колокольни тётка была права. Я смешанный. У меня черты обоих родителей. Если нас с папой поставить рядом, сравнение будет не в мою пользу. Правда, говорят: смешанные дети — счастливые. Не знаю, как у других, но в отношении меня — это истинная правда. Я считаю себя счастливым человеком. Прежде всего потому, что у меня ТАКОЙ папа. Какой, об этом речь впереди...

Действительно, папа был очень красивым и обаятельным человеком. Кто его знал (таких, увы, с каждым годом всё меньше и меньше), могут это подтвердить. А кто не знал, тому достаточно взглянуть на фотографии. В чертах его лица проглядывали черты «сынов кавказских гор». Хотя, казалось бы, откуда им взяться у потомка крепостных Мценского уезда?

А вот откуда. Папа сам рассказывал мне, что его прабабушка по материнской линии служила у барина, телохранителями которого были кавказские джигиты. Кто они — кавбардинцы, лезгины, абхазцы или черкесы, — теперь уже не сказать. Но с одним из них у прабабушки «случился грех».

Родился мальчик, который и стал впоследствии папиным дедушкой. По семейному преданию, это был человек двухметрового роста, с иссиня-чёрными волосами и огненно-рыжей бородой. К сожалению, папа дедушку не застал — тот рано ушёл из жизни. Но благодарную и восхищённую память о нём сохранил и сделал его имя — Иван Сухов — своим журналистским псевдонимом.

В журналистику мой папа пришёл не сразу и, можно сказать, случайно. Сначала закончил ветеринарную академию, потом работал бригадиром кормокухни зверосовхоза «Салтыковский». А ведь получать высшее образование поначалу не хотел. Зачем? И так можно заработать. И даже больше, чем после вуза. Однако его отец, мой дедушка Георгий Михайлович, который дал образование двум его старшим братьям и сестре, сказал: «Дурак, не всё на деньги считается». Потом папа мне скажет: «Ни одно полученное тобой знание не проходит бесследно. Рано или поздно оно тебе пригодится».

Истину этих слов я давно уже понял по себе. А применительно к нему она начала осуществляться буквально с его первых шагов в издательском деле. Когда папа начал

работать книжным редактором, то одной из первых книг, которую он редактировал, была книга Константина Ивановича Скрябина — знаменитого учёного гельминтолога. Его именем потом назовут Московскую ветеринарную академию, которую папа окончил (а потом и я тоже).

По поводу трудов всемирно известного учёного некие остроумцы сочинили эпиграмму: «На каждую глисту — по печатному листу». Её мне тоже поведал папа. Считаю, яда, положенного любой уважающей себя эпиграмме, в ней нет. Она предельно точно отражает масштаб труда академика Скрябина, а непосвящённым поясняет, чем занимается наука гельминтология.

На дарственном экземпляре книги Константин Иванович написал папе тёплые благодарственные слова за его редакторский труд.

Потом был журнал «Кролиководство и звероводство». Свою должность папа называл весело и беззаботно: «Зам главный кролик». И зверосовхоз, и журнал, а главное — собственная увлечённость открыли ему «меховую радугу». Так он позже назовёт фотоальбом, в который войдут и его собственные фотографии и работы фотохудожников-анималистов.

Но это был не обычный фотоальбом. В обычных — только фотографии и подрисуночные подписи. Здесь же, помимо этого, присутствует литературно выстроенный текст. Яркий, интересный с увлекающим читателя повествованием. И при этом — раскрывающий мельчайшие

нюансы пушного дела. «Да это же исследовательский труд!», — воскликнет его друг-учёный.

Да, «ни одно знание не проходит бесследно...» Фармакологию папе преподавал видный учёный, профессор Мозгов. На его большеформатную объёмистую книгу «Ветеринарная фармакология» я всегда смотрел с уважением, но никогда не решался открыть. А папа в соавторстве с фармакологом создал научно-популярную книжку «Лекарства для животных» — повседневный карманный справочник ветврача, написанный лёгким языком беллетриста. Природа, её охрана и преумножение; животные, их биология, поведение, и тоже охрана — вот темы, которым он посвятил всю свою жизнь. Даже когда его позвали работать специальным корреспондентом в газету «Сельская жизнь» и ему приходилось писать корреспонденции, информации, очерки, репортажи по сельскохозяйственной проблематике, а для этого ездить в командировки, он не упускал случая, чтобы «зацепить» СВОЮ тему. Вот он, находясь в командировке по заданию написать проблемный очерк о неправильном хранении силоса, узнал, что неподалёку находится колхоз-миллионер, председатель которого — Микола Карпович Садовый — построил на колхозной территории... зоопарк. И, конечно же, помчался туда! Колхозные ворота, сердце Миколы Карповича и двери небольшого зоопарка радушно распахнулись перед моим папой.

А иначе и быть не могло. Папа об-

ладал таким обаянием, такой широтой души, что к нему тянулись самые разные люди. Вот только один малозначительный, но характерный пример. У «персоналки», поделённой между двумя главными редакторами, сменился шофёр. Он по папиной просьбе подвозил нас с мамой на работу. Я увидел человека, чьи глубокие даже не морщины, а трещины, словно в высохшей глинистой почве, придавали лицу сугубую и беспросветную мрачность. Папа по дороге увлечённо рассказывал всякие интересные вещи. Лицо водителя не выражало ничего. «Зачем папа это делает? — негодовал я про себя. — Такого ничем не прошибёшь. Да и слушает ли он?»

Папа заехал за нами в конце рабочего дня. Я водителя не узнал. Он улыбался! Я заметил: когда люди, знавшие моего папу, вспоминают его, они непременно улыбаются. И ещё. Я никогда не слышал, чтобы кто-то о нём говорил плохо. Это ли не лучшая характеристика человека? О таком можно только мечтать!

Но продолжу. Итак, мой папа — в колхозном зоопарке. Всё, что произошло дальше, знаю с его слов. Рассказ этот помню почти дословно. Поэтому передам его от первого лица. Надеюсь, что в моём пересказе он не потеряет своего обаяния.

— Вообще-то у нас звери смиренные, — сказала мне заведующая зоопарком Екатерина Андреевна Суббота, — так что вы даже можете заходить к ним в вольеры и снимать сколько хотите. Вот только к страусам не ходите. Птички своенравные. Мало ли что...

Перегородки в вольерах были раздвижные, на шарнирах, поэтому я переходил от одного зверя к другому. И так увлёкся съёмкой, что не заметил, как оказался в вольере с двумя страусами нанду. В отличие от африканских страусов они гораздо мельче, да и по зоологической классификации не совсем страусы, а страусоподобные птицы. Но такие же агрессивные, как и африканские. До нанду метров пятнадцать. До калитки — метров пять. Думаю, равну-ка я — не догонят. Не тут-то было! Я и движения в сторону калитки сделать не успел, а страус был уже около меня. Что делать? Думать было некогда, и я схватил страуса за шею и повёл к калитке. Это страусу нанду не понравилось. Он лёг на спину и давай молотить ногами!

Меня спасло то, что у меня на руке висел пустой кофр (фотографическая сумка). На ней-то нанду и сосредоточил свои удары. А кофру что? Знай себе раскачивается. И чем больше он раскачивается, тем больше глупая птица злится. И бьёт ещё сильнее! Это позволило мне беспрепятственно подтащить страуса к калитке. Я с силой сдавил ему шею, отпустил и быстро — за калитку!

Стою и смотрю, что будет делать страус. А он лежит. Минута, две, пять — лежит! Я уже стал беспокоиться, не придушил ли ненароком птичку? Но страус всё же открыл глаза, медленно и неуклюже встал на ноги и, пошатываясь, нетвёрдой походкой направился к калитке. Просунул сквозь её дощатые рейки голову и стал на меня шипеть. Я эту голову сфотогра-

фировал. На фотографии кажется, что тебе улыбается симпатичный пушистый птенчик.

Екатерина Андреевна, когда я рассказал эту историю, покачала головой и сказала:

— Ну, Анатолий Георгиевич, вам повезло: если бы страус вас лягнул, мог бы сломать ногу...

— Я его сильно прихватил за шею. Он долго не поднимался. Испугался даже — не задушил ли?..

— Считайте, что вам повезло второй раз, — улыбнулась Суббота. — Если б вы его задушили, вам пришлось бы заплатить сорок пять тысяч (по тем временам сумма неслыханная. Папа получал 90 рублей в месяц — Д.Р.). Страус — птичка дорогая.

А я считаю, что мне повезло и в третий раз. Представляю себе эпитафию: «Анатолия Рогожкина в колхозе (!) страус задрал»...

Потом уже папа узнал, как знаменитый профессор-зоолог Пётр Александрович Мантейфель легко и просто разгонял африканских страусов. Вот как он об этом рассказывал:

«Пётр Александрович работал в заповеднике «Аскания-Нова» под Херсоном. Климат позволял содержать там зверей и птиц самых тёплых широт. В том числе и африканских страусов. Мантейфель часто проводил экскурсии перед студентами. А рассказчик он был удивительный. Юноши и девушки ходили за ним, раскрыв рот. Свои экскурсии профессор заканчивал одной малоприятной для студентов шуткой. Он неожиданно заводил их на территорию африканских стра-

усов! Страусы, завидев людей, тут же сбивались в стаю и бежали на парней и девчат. Пятьсот метров до студентов... четыреста... двести... сто... Ребята испуганно глядели на своего профессора: мол, делать что? А Мантейфель стоял, как ни в чём ни бывало, словно памятник самому себе, величественно опершись на суковатую палку.

И когда до страусов оставалось метров пятьдесят, девушки уже откровенно визжали, а юноши бледнели, Пётр Александрович, медленно снимал шляпу, не спеша надевал её на палку, а палку неторопливо поднимал вверх. И двухметровые агрессивные птички мгновенно разбежались в разные стороны.

Так Мантейфель демонстрировал студентам одну примечательную поведенческую реакцию страусов, которую знали и успешно применяли африканские охотники племени масаев. Оказывается, страусы боятся всего, что выше их. Если бы я тогда просто приподнял кофр над головой нанду, только бы того страуса и видели». Наука о поведении животных — этология — помогает нам понимать животных, управлять ими и, помимо всего прочего, не попадать в неприятные ситуации.

Книги учёных этологов заполнили полки нашей домашней библиотеки, а этологические знания интересно и с пользой преподносил своим читателям журнал «Юный натуралист», когда папа стал его главным редактором.

Предложение занять пост главного редактора журнала с более чем трёхмил-

лионным тиражом было для него неожиданным. Но, как выяснится потом, закономерным. И до и после него журнал возглавляли литераторы. Папа же — не только редактор, не только литератор, но и биолог. Он привлёк лучшие научные и литературные силы. При нём журнал стал по-настоящему научно-познавательным. Но одновременно и литературным тоже. А главное, он был интересным. «Писать надо так, чтобы было интересно». Это было его правилом, которому я тоже стараюсь следовать.

Так уж складывалась его судьба. Он никогда ничего не добивался. Нужное приходило само. И «Юный натуралист» тоже пришёл сам. Причём вовремя. Но, как я уже сказал, для него неожиданно. Первое чувство — радость. Это именно то дело, к которому лежит душа. Второе — сомнение. Потянет ли?

Ему казалось, что и в газете «Сельская жизнь» он «не тянет». Потому что требования, предъявляемые им к самому себе, были намного жёстче. И он был немало удивлён, когда на проводах услышал о себе много тёплых и искренних слов благодарности и сожаления, что уходит. Да, они были именно такими. Сомневаться не приходится. Почти все, с кем он работал, остались его друзьями, а многие даже стали авторами журнала и консультантами.

Но в этот день мой папа стоял в растерянности на станции метро Новослободская. До решающей встречи в «Молодой Гвардии», где он должен дать окончательный ответ,

оставалось ещё пятнадцать минут. Из них — пять минут ходьбы до издательства. За это время нужно решить: сказать «да» или «нет». За отведённый срок решение им так и не было принято.

И он решил положиться на жребий. «Если в витражах станции я увижу какое-нибудь животное, пойду в «Юный натуралист», решил он. И стал медленно переходить от одного витража к другому. И увидел...

Когда я работал в том же издательстве и тоже высаживался на Новослободской, часто останавливался перед витражом с парой белоснежных голубей... Как голуби разлетались потом «Юные натуралисты» по нашей тогда огромной стране. И как голуби вместе с ними летели его очерки, рассказы, репортажи, в которых были и его же фотографии. Они красочно и красноречиво подтверждали всё то, о чём рассказывали его материалы.

Он возглавлял журнал 13 лет — с 1976 по 1989 год. А за два года до ухода из жизни, в 1994-м, вышла его последняя книга: двухтомная энциклопедия «Домашние животные». В создании этой книги участвовали и мы с мамой. Ведь мы все были выпускниками одной alma mater.

В этой энциклопедии были и научно-популярные сведения, и художественные рассказы, и очерки. Причём не только о тех животных, которые уже одомашнены, но и о тех, которые могли стать таковыми, но ещё не стали. На книжных интернет-развалах двухтомник ещё можно найти...

Да, я счастливый человек. Пото-

му что у меня такой папа. Любящий жизнь, мир вокруг себя, Природу и животных. О нём невозможно думать в прошедшем времени. Он всегда во мне и со мной. Пока есть я, есть и он...

Хотя нет. Не так! Он живёт в своих статьях, книгах и фотографиях. Его знают, и ещё будут узнавать. Потому что его творения находятся во множестве домов, имя которым — библиотеки. Поэт Ефим Шкловский посвятил папе стихотворение «Дядя Толя», которое стало песней. В нём есть такие строки: «Но однажды вешним днём он оставил дом, // Стал он ветром и дождём, // Солнечным лучом, // Но как прежде любит он // И зверей и птиц, // И по-прежнему зовёт // С книжкиных страниц. // Так же любят его звери, // Так же любят его люди, // И по-прежнему, поверь мне, // Каждый с ним встречаться будет. // И в лесу, и в поле // Знают дядю Толю. // Всегда открыт для всех хороший человек. // Всегда открыт для всех хороший человек».

Половинка свободы

В самом начале объявленной «перестройки» на ТВ стали приглашать «простых американцев», чтобы те растолковывали нам «вечные ценности» их свободы и демократии. Я с азартом неофита глотал сентенции приглашённых, не разжёвывая. Помню, как в очередной раз на экране возник почтенный старик академической внешности с профессорской бородкой. Всплывающая строка привычно обозначила имя и фамилию, а

под ними — род занятий. Этот род занятий меня сильно удивил. Под звучной американской фамилией (которую уже не упомяну) скромно значилось: «кинооператор». Пройдёт много времени, прежде чем мне посчастливится увидеть на одной из презентаций кинооператора Вадима Юсова, снявшего основные фильмы Андрея Тарковского, и я, наконец, пойму, что люди этой профессии могут ни в чём не уступать академикам.

А может, даже и превосходить их. Так вот, этот американский кинооператор-академик дал такое определение свободы, которое я и тридцать лет спустя считаю достаточно точным: «Свобода — это возможность делать то, что я хочу, не мешая при этом другим делать то, что они хотят».

Не знаю, достигли ли такой свободы сами американцы. Пусть они с ней разбираются сами. А вот мы с вами, считаю, достигли только половинки этой свободы. Мы уже научились делать то, что хотим. А вот не мешать другим делать то, что они хотят, ещё не умеем. «Тут у нас не идёт. Пока не идёт», как говаривал Михаил Михайлович Жванецкий.

Далеко ходить не надо. Взглянем на обычные бытовые ситуации, с которыми сталкиваемся каждый день. Вот продавец высчитывает общую сумму покупок. И в самый ответственный момент подходит уверенная в себе дама и задаёт ему вопрос, на который ей НУЖНО срочно получить ответ. Она даже не задумывается, что отвлекает человека. Подожди, пока продавец обслужит покупателя, и уж потом задай свой вопрос.

Но, как говорил Михаил Задорнов, «щаз-з!»

И это не только в магазине, куда разные люди ходят. Но и в местах культурных, например, на конференциях, форумах, презентациях, где публика сплошь образованная, учёная и остепенённая, обязательно найдётся кто-то, кто оборвёт тебя на полуслове и «встрянет» в разговор. Главное, что МНЕ надо. А что надо другим — не главное.

Скажите, можете ли вы вспомнить случай, чтобы на каком-нибудь из фуршетов, на которых всем нам приходится бывать, вас не толкнули в спину, не задели локтем или не шибанули в плечо, торопливо проносясь мимо? Если напрячься, можно и вспомнить. Однако чаще и толкают, и задевают...

Но даже если приходится не стоять, а сидеть, дело обстоит не лучше.

На одном форуме за соседним столом две объёмистые дамы (сам я тоже не мал), чтобы им было удобнее вести душевную беседу, развернули свои кресла навстречу друг другу, чем сильно сузили проход между столами. А сидевшей рядом со мной коллеге по форуму с родины соратника Емельяна Пугачёва, такой же решительной и стремительной, как он, срочно понадобилась ещё пара компотов. Попросить подвинуться тех дам она не захотела. Дамы всё же незнакомые и занятые... друг другом. Мы же с коллегой знакомы хорошо — встречались ранее на других форумах, презентациях и конференциях без малого лет десять. Я был лучшим кандидатом на «подвинься»

При этом коллега не ждала, пока я подвинусь, а продолжала победно двигаться сама. С непрожёванной пищей во рту я, кое-как подхватив свой стул и потому согнувшись в три погибели, спешно придвигался к краю стола, уступая «дорогу». Так повторялось трижды. На третий раз я чуть было не подавился. Но, слава богу, обошлось... Через три месяца, уже на другом форуме, уже другая дама, но незнакомая мне (шёл только первый день мероприятия, и мы все не успели ещё толком перезнакомиться и сплотиться в единое сообщество), уже откушав, вознамерилась поговорить со своей новой знакомой. А я только-только принялся за еду.

Отлепившись от своего стола, дама быстро подошла к нашему и плюхнулась на свободный стул рядом со мной. Как я узнал потом, дама эта была преподавательницей. А у преподавателей случается «профзаболевание»: они разговаривают слишком громко. Эта дама говорила звучно, зычно, ритмично и энергично. И так же ритмично и энергично раскачивалась в такт своей речи, доверительно склонившись к собеседнице. Лицом она была обращена к ней, а вот другой, гм-гм, частью — ко мне. И эта часть, объёмная и выпуклая, как полушарие демонстрационного глобуса в планетарии, угрожающе продвигалась в мою сторону. Столкновение было неизбежным.

Опять моя трапеза грозила быть испорченной. Увы, я гурман, относясь к еде как к священнодействию. Вторжение постороннего тела во

время вкушения пищи для меня крайне нежелательно.

Я молча пересел. Дама удивлённо воззрилась на меня:

— Почему?!

Рассказать ей всё так, как я только что описал, значило покуситься на её свободу и неоправдимо оскорбить. Необходимо было придумать что-то помягче. Но что? У меня на ответ — секунды. Он должен быть кратким и примиряющим. Решил прибегнуть к шутке. Я вспомнил коллегу с родины соратника Пугачёва. Там же, за столом, её, шутя, называли тайфуном. Что соответствовало огневой деловой активности этой женщины и только что продемонстрированному мне застольному поведению. Коллеге это понравилось. Она то и дело восклицала потом: «Я тайфун! Я тайфун!»

Раз понравилось коллеге, то может быть понравится и незнакомой даме-форумчанке, подумал я и с доброжелательной улыбкой произнёс:

— От тайфуна нужно держаться подальше.

Сосед напротив беззвучно приснул. У дамы отвисла челюсть. Она оцепенела примерно секунд на пять. Потом обиженно прошелестела:

— Ну вот, тайфуном обозвали...

Я понял: пускаться в дальнейшие объяснения-оправдания уже бессмысленно. Сам того не желая, я породил на свою голову в лучшем случае недоброжелателя, а в худшем — врага. Да-а-а, как гласит мораль одной украинской басни: «Надо знаты, шо кому читаты и якы байкы». До самого конца форума я ощущал на себе

оскорблённо-возмущённый взгляд этой дамы.

Что меня удивило, так это не только сходство застольного поведения двух тружениц на ниве образования, живущих в разных уголках России. Фамилии (причём я догадался об этом не сразу) у них тоже оказались почти одинаковыми. Отними первую букву от одной фамилии, получишь другую. «Бывают странные сближения»...

Увы, не учили нас — и не учат сейчас — уважать чужое пространство и бережно относиться друг к другу. Будь то близкий человек, приятель или прохожий. Причём это касается не только homo sapiens, но и неодушевлённых предметов тоже. Раньше заградительно-охранительные «вертушки» в госучреждениях были тонкими, полыми и алюминиевыми. Они послушно и бесшумно открывались, стоило их легонько толкнуть. Их легонько и толкали, когда шли мимо вахтёра на службу. А вот в конце рабочего дня по ним шарахали так, что они с визгом отлетали и чуть ли не соскакивали с петель. А как же! Работе конец!! Свобода!!!

Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил, что, берясь за ручку двери дома, мы с домом здороваемся. Увы, я не застал тех счастливых времён, когда с домом здоровались. За ручку остервенело дёргали, будто она в чём-то виновата. А дверь не придерживали, и она грохала с силой пропорционально силе рванувшего её. А чо? Свобода же!

Интересный момент! Где отступает духовность и культура, на по-

мощь приходит... техника. Теперь почти не увидишь входную дверь дома, магазина или офиса без доводчика. Он спасает положение: уже дверь от души не дёрнешь. И не шлёпнется она потом с жутким грохотом. А закроется сама. Мягко и задушевно. И современный валидатор с его бдительными фотоэлементами не позволит себя весело пнуть. Шибко массивный. А ноги не казённые... Только и остаётся, что приложить или опустить магнитную карточку да тихо пройти.

Однако техника даёт нам мнимую свободу. Она ставит нас в зависимость от себя и всё больше отдаляет от других людей. Нет, пока мы свободу понимаем как своеволие, век нам свободы не видать. А быть может, и дольше.

Актриса Четвёртого Состава

Герцогиня Мальборо мрачно напивалась на глазах придворных и самой английской королевы Анны. Но ей было уже глубоко плевать и на придворных, и на королеву. Она потеряла всё. И должность главной фрейлины, и красавца офицера Артура Мешема. Они достались наглой выскочке Абигаиль Черчилль, прежде торговавшей в ювелирной лавке, а ныне ставшей доверенным лицом — да что там! — подругой безвольной, недалёкой и легкомысленной королевы Анны. Осоловело поводя глазами кругом, герцогиня постепенно погружалась в алкогольный дурман. Он заглушал боль от смертельной обиды, но саму мысль о ней заглу-

шить не мог. И она, наконец, вырвалась наружу.

— Эта продавщица... — указательный перст герцогини обречённо клонул вниз, запоздало напоминая о бесконечно низком статусе «продавщицы», — заняла МОЁ место!

Перст сначала значительно поклевал в направлении груди герцогини, а потом взмыл вверх и поставил в воздухе многозначительную точку — характерный жест пьяных, когда они хотят донести до слушателей свою наиболее важную мысль. До самого конца спектакля «Стакан воды» я неослабно и ревниво следил за герцогиней. Почему ревниво? Да потому, что считал постановку «Стакана воды» Малого театра непревзойдённой. А Елену Николаевну Гоголеву — лучшей герцогиней, какой не было «до» и не будет «после». Все последующие постановки только подтверждали мою правоту. Я и пошёл на новую сценическую версию «Стакана...» в Театр Мистического Писателя при его же музее, чтобы ещё раз в ней убедиться. Но убедился в обратном... Нет, образ герцогини, созданный Еленой Николаевной, остался в моей душе на прежнем своём высоком пьедестале. Но я понял, что можно играть и по-другому. И это ДРУГОЕ ничуть не отменяет прежнего. И этим ДРУГИМ тоже можно восхищаться.

Уже после первого действия я помчался покупать программку, чтобы узнать, кто играет герцогиню. Купил, стал читать, и у меня зарябило в глазах. В спектакле были заняты аж четыре актёрских состава. Че-

тыре актрисы играли и герцогиню. Причём троих из них я хорошо знал по фильмам и сериалам. Четвёртую не знал совсем. А сегодня играла как раз четвёртая. Её имя мне ничего не говорило.

Но как же я был рад, что мне повезло увидеть именно Актрису Четвёртого Состава! Нет, я несколько не сомневаюсь в том, что и остальные герцогини играют не хуже. Потому что в этом спектакле отлично играли все, включая самого режиссёра Мистического Театра, автора сценической версии спектакля, в чьём исполнении сэра Джон лорд Болингброк предстал практичным, харизматичным, циничным, эротичным — подлинным сыном порочно-барочного XVIII века.

Отлично играла и королева Анна — антипод герцогини. В финале спектакля актриса по воле режиссёра достигала подлинно трагических высот. Режиссёр вложил в уста королевы монолог, которого, если не ошибаюсь, у драматурга Эжена Скриба не было. Королева со слезами на глазах (и в глазах самой актрисы стояли настоящие слёзы) говорила, что она хотела только одного: любить и быть любимой. У неё этого не случилось, но она желает всем нам, зрителям, счастья и любви.

Да, в тот день отлично играли все, а обшарпанная в будни коробка сцены на момент спектакля превратилась в ту самую «светящуюся коробочку», о которой грезил один из литературных героев Мистического Писателя.

Но герцогиня! В её интонациях, жестах, движениях было то самое

«волшебное чуть-чуть», которое изобличает подлинный талант и выдвигает из ряда других актёров. Наблюдать за ней было особенно интересно.

Но чем больше я наблюдал за герцогиней, тем больше меня охватывало непонятное ощущение. Мне показалось, что здесь — не просто актёрская игра. И передо мной не совсем герцогиня, а некое потустороннее inferнальное существо. Именно inferнальное, что означает «адское».

В полной мере эта inferнальность выказала себя в тот момент, когда герцогиня — нет! — не уронила стакан воды, не вынеся публичного унижения, как задумано автором пьесы и воспроизводится в постановках. Она, что называется, «из-за уха» лихо столкнула рукой с подноса огромный стакан, чтобы вода из него Ниагарским водопадом обрушилась на королеву.

Хотя никакого стакана, а тем более подноса, на самом деле не было. Ладонь торжественно вытянутой руки Артура Мешема была пуста. Но мы, зрители, в своём воображении видели на ней и поднос, и высоченный стакан. Именно такой и столкнула герцогиня.

Это был апофеоз её мстительного торжества! И в этот момент герцогиня исчезла. Вместо неё появилось то самое inferнальное существо. Изю рта этого существа злорадно высунулся невозможно длинный язык. Рот начал страшно кривиться, а тело медленно и вкрадчиво змеиться под музыку. Да это и была змея! Причём та самая библейская змея, которая, согласно экзегетам, есть... Нет, про-

должать аналогию не буду. «Ходить бывает склизко по камешкам иным».

Действие прерывали балетные интермедии. Действующие лица в определённые моменты становились участниками кордебалета, синхронно выписывающими руками барочные завитушки, принятые в балете XVIII века. Но даже здесь, в общем ряду, герцогиню выделяло это «волшебное чуть-чуть». И — снова ощущение: все персонажи — люди, а герцогиня — мистическое существо.

Личность Актрисы Четвёртого Состава заинтересовала. Всезнающий интернет дал мне понять, что Актриса определена в четвёртый состав вовсе не из-за низкого актёрского статуса, а даже совсем наоборот. Из-за высокой занятости в фильмах и спектаклях.

Она популярна и востребована. Внушительная, подбирающаяся к сотне, фильмография. Участие в спектаклях не одного театра. Работа с разными и громкими театральными и кинорежиссёрами. Во время учёбы будущая Актриса училась не только актёрскому мастерству, но и параллельно — экономике. Сейчас профессионально изучает психологию. В общем, мастерство, багаж, опыт, целеустремлённость, работоспособность — ого-го!

Так-так... А вот и мистика! Разные источники радостно и дружно сообщали о том, что к Актрисе то ли в видении, то ли во сне явился знаменитый купец, меценат и спонсор Революции, не то застрелившийся, не то застреленный в гостинице теми же революционерами, которых

он отказался спонсировать. Явился и сообщил, что она его дочь. Теперь Актриса носит его отчество и фамилию. В римском праве существует такая формулировка: «Не ясно». Это когда к произошедшему событию можно относиться двояко: и доказать невозможно, и опровергнуть нельзя. И всё же мистический опыт существует! Лично я склонен думать так. А добровольно вступать в ряды недоумевающих или разоблачающих у меня желания нет.

О собственном мистическом опыте рассказывал Лев Дуров в автобиографической книге «Грешные записки» (кстати, он был мастером Актрисы, когда та ещё училась на оную). В интервью Спартак Мишулин поведал, как он написал роман «Золотой гроб» и ему во сне явилась святая женщина, которая сказала, что он умрёт, если свой роман не уничтожит. Так что всё может быть... Как говорится в одном ёрническом стишке: «Всё быть может, всё быть может, // Всё конечно может быть. // Быть того уже не может, // Что вообще не может быть».

Мысли об Актрисе Четвёртого Состава меня не отпускали. Я вновь и вновь просматривал на своём мысленном экране сцены с герцогиней. А когда о чём-то неотступно думаешь, то рано или поздно с этим столкнёшься. Опосредованно или напрямую. С Актрисой меня столкнула популярная телепередача «Два-Брат-два» буквально через неделю после спектакля. В ней брат-актёр и брат-журналист интервьюируют «своего брата» актёра, допытываясь и докапываясь до глубин творческой и жизненной биографии каждого.

И вот перед ними на «горячем стуле» — Актриса Четвёртого Состава.

Это была уже не герцогиня. Исчез несколько скрипучий голос с надменно-язвительными нотками. Вместо него — красивый, грудной, богатый обертонами. Исчезла и комическая аристократическая фанаберия. Сама Актриса была доброжелательна, миролюбива и снисходительна. Но при этом чувствовалось: в душу к себе братьев не впустит. Да и интернет-источники подчёркивали её «закрытость». О «закрытости» свидетельствовал и сам наряд Актрисы: чёрная чалма, скрывающая волосы, чёрное закрытое платье, поверх которого — чёрная кофта. Невольно всплыла в памяти детская страшилка: «В чёрном-чёрном городе, мимо чёрных-чёрных домов шла чёрная-чёрная...» Актриса играла себя. Но всё же — играла. Такой, какой она хотела предстать на телевизионной площадке, той же сцене.

Братья, трезвомыслящие люди, оба прочно стоящие на земле, конечно же уцепились за мистическую составляющую её биографии. Их реакция была: «Это как же, это что же! Это что же, это как же!» Так эту реакцию остроумно и точно охарактеризовал Михаил Михайлович Жванецкий. Актриса со снисходительной, но доброжелательной улыбкой отвечала: мол, да так всё и было. И рассказала то, чего я в источниках не встретил. Меценат, спонсор Революции, строитель МХАТА, владелец ткацкой фабрики, обладатель патентов на изобретённые им красители тканей, тот, чьим именем была названа знаменитая

стачка, вошедшая в учебники истории, посещал Актрису несколько раз. Сидел неподалёку, постукивал тросточкой об пол. В одно из посещений промолвил: «Я нарёк тебя...» Она поменяла и имя тоже.

— А как реагировали родители? — продолжал допытываться брат-актёр. — Наверное, были в шоке...

Брат-журналист растерянно молчал. Актриса спокойно подтвердила, что да. Родители сначала были в шоке. Отец не разговаривал с ней почти год. Потом всё улеглось. Брат-актёр сильно нервничал. Создавалось впечатление, что на «горячем стуле» сидел он, а не Актриса Четвёртого Состава. Хотя это могла быть и игра. Ведь он сам — тоже талантливый артист.

Особенно брата-актёра волновал вопрос: ЗАЧЕМ? Зачем ей это было нужно? Для того, чтобы на неё обратили внимание? Актриса и этого отрицать не стала, но с улыбкой добавила, что сюда многое входит. Ответ брата-актёра не удовлетворил, он продолжал «копать» дальше. Актриса решила положить расспросам конец и сообщила, что подробно обо всём расскажет в своей будущей книге, которую собирается написать.

Был ещё один момент, который ошарашил и братьев, и меня. Хотя я по первому образованию биолог и опыты над лягушками, когда учился, проводил, но мне... Сейчас поясню, в чём дело. Осведомлённый брат-актёр спросил о змее, которая живёт у неё дома. Актриса охотно рассказала, что это уж. Она кормит его живыми лягушками в ванной. И добавила, что

они с мамой с удовольствием наблюдают за этим зрелищем. Братьев дружно передёрнуло. Меня тоже. Но потом осенило: так вот, может быть, откуда эта змеиная пластика у герцогини, её повадки и поведение, её взгляд и заигрывание с жертвами своих интриг. «Когда б вы знали, из какого сора...»

В актёрскую копилку идёт всё. А наблюдательность — один из основных инструментов артиста. Не было бы этой змеи, не было бы лягушек, не было бы опыта потустороннего общения, возможно, не было бы и ТОЙ герцогини, которую воплотила Актриса Четвёртого Состава. Да и других её ролей, которые мне теперь очень хочется посмотреть.

Кстати, из той же программки я узнал, что Актриса играет не только герцогиню, но и королеву Анну. «Не верю!» — закричал я. Про себя, конечно. Ну да, не верю, чтобы удав мог сыграть кролика...

Эльдар Рязанов рассказывал, как Олег Ефремов пробовался на роль Деточкина. «Он играл смешно, — заметил Эльдар Александрович, — но создавалось впечатление, что перед тобой волк в овечьей шкуре». Иннокентий Смоктуновский как нельзя лучше подошёл на эту роль. А получился бы из Смоктуновского следователь Подберёзовиков, которого блестяще сыграл Ефремов? Вряд ли. Хотя...

Я непременно пойду на «Стакан воды», когда Актриса Четвёртого Состава будет играть королеву. Недаром же режиссёр Мистического Театра доверил ей эту роль. «Театр должен удивлять», — сказал Пушкин. А я хочу удивляться!